

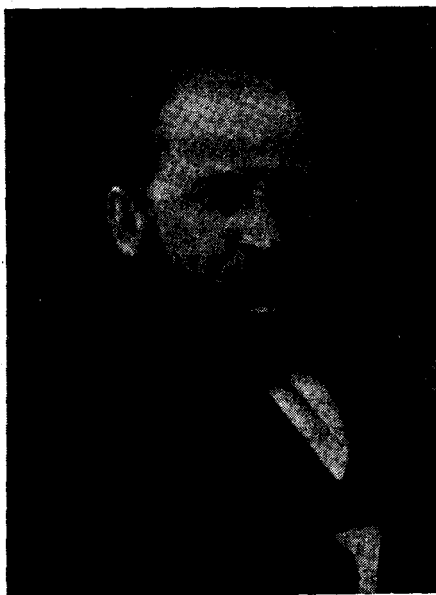
ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

А. П. БОГДАНОВ И РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

(К 50-летию со дня смерти)

В истории каждой науки можно назвать даты, которые разграничительными вехами стоят на пути ее развития. Одной из таких дат в истории русской антропологии можно считать день основания Общества любителей естествознания при Московском университете — 15 октября (по старому стилю) 1863 г. В недрах этого Общества зародилась и оформилась как научная дисциплина русская антропология, здесь возникли первые антропологические учреждения нашей страны, отсюда вышли первые их деятели.

А. П. Богданов

Инициатором, организатором и в течение 30 лет фактическим руководителем Общества был профессор Московского университета Анатолий Петрович Богданов.

Замечательная жизнь А. П. Богданова еще ждет своего биографа, но и того, что сделано им для антропологии, достаточно, чтобы признать А. П. одним из тех деятелей, которыми вправе гордиться русская наука.

Антропологической стороне его деятельности и посвящен настоящий очерк.

* * *

Анатолий Петрович Богданов родился 1 октября 1834 г. (по ст. ст.) в Нижнедевическом уезде Воронежской губернии. Рано лишившись ро-

дителей, он был взят на воспитание Е. Ф. Татариновой, а затем княгиней Г. Н. Кейкуатовой, которые доставили А. П. возможность получить хорошее домашнее, а затем и школьное образование. В 1846 г. Богданов поступил в 3-й класс Воронежской гимназии, которую окончил в 1851 г. с серебряной медалью. По окончании гимназического курса А. П. поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где специализировался по зоологии у знаменитого профессора К. Ф. Рулье, о котором А. П. всегда вспоминал с глубокой признательностью и которого он очень высоко цтил за широту взглядов и глубину мысли¹.

К. Ф. Рулье представлял собой исключительно яркую фигуру. «Это был,— писал о нем Богданов,— не только выдающийся профессор, замечательный учитель и ученый, но и одна из самых своеобразных и характеристичных личностей сороковых и пятидесятих годов нашего века».

Основатель русской школы зоологов в Московском университете, один из первых русских зоологов-эволюционистов, К. Ф. Рулье не замыкался в рамки своей специальности. Своими работами по палеонтологии и геологии «он занял одно из первенствующих мест между русскими учеными и видное общенаучное положение в истории развития палеонтологических знаний». В качестве редактора «Вестника естественных наук» и организатора публичных лекций по естествознанию К. Ф. Рулье много сделал для популяризации естественноисторических знаний в России.

Человек с оригинальным и смелым умом, большой энергией, ученый-мыслитель, исследователь с широким философским кругозором,— Рулье пользовался исключительной любовью своих слушателей и сумел объединить вокруг себя большую группу молодых ученых.

Влияние Рулье на Богданова, бывшего его ближайшим и любимым учеником, во многом определило направление дальнейшей деятельности А. П. Богданова.

В 1855 г. А. П. окончил курс первым кандидатом, получив серебряную медаль за сочинение по геологии «О признаках определения формаций осадочных пород». Выдержав в 1856 г. магистерский экзамен, он поступил преподавателем в Земледельческую школу Императорского общества сельского хозяйства. Инициативе и энергии Богданова принадлежит организация Комитета (в дальнейшем Общества) акклиматизации животных, первым ученым секретарем которого он состоял в 1856—1858 гг.

В 1857 г. А. П. Богданов отправляется за границу для подготовки к профессорскому званию. Здесь он работает в различных университетах, главным образом в Париже, под руководством знаменитого Сент-Илера, последователем которого в Московском университете являлся учитель Богданова, Рулье. Вернувшись по предложению Рулье в Москву, Богданов защищает в 1858 г. в Московском университете диссертацию на тему «О цветности пера птиц», доставившую ему степень магистра зоологии. В том же году А. П. был назначен адъюнктом по кафедре зоологии Московского университета, с которой он был связан в дальнейшем в течение всей своей жизни.

В своей вступительной лекции, читанной в университете 4 октября 1858 г., молодой адъюнкт выступает как горячий последователь Сент-Илера. «Изучение жизни животного во всем видовом ее разнообразии,— говорит он,— изучение сродства частных форм животного царства

¹ Вступительная лекция исправляющего должность адъюнкта по кафедре зоологии А. П. Богданова, читанная в Московском университете 4 октября 1858 г. Отд. оттиски из «Московских Ведомостей» № 122, 1858 г. А. П. Богданов. К. Ф. Рулье и его предшественники.

и соотношения их строения с образом жизни, исследование исторического развития животной жизни на земле, первых членов того ряда, последнее звено которого выражается в современном нам географическом размещении животных, и, наконец, познание общих законов, управляющих зоологическим миром,— вот то разнообразие точек зрения, которое составляет содержание нашей науки»².

Мы привели этот небольшой отрывок, чтобы показать широту взглядов начинающего ученого, без чего нельзя понять того интереса к антропологии, который вскоре обнаруживает молодой Богданов.

В 1859 г. А. П. вторично отправляется за границу для осмотра зоологических садов и музеев Берлина, Лейдена, Брюсселя, Лондона и Парижа; эта поездка была связана с деятельностью Богданова в Обществе акклиматизации животных и его работой в Музее зоологии Московского университета, которым в течение многих лет заведывал К. Ф. Рулье.

В 1863 г. А. П. был назначен экстраординарным профессором по кафедре зоологии и вступил одновременно в заведывание Музеем, продолжая традиции своего учителя.

Еще в 1862 г. вокруг Богданова сгруппировался небольшой кружок молодых преподавателей и студентов-естественников, горячих последователей Рулье. У членов этого кружка, душой которого был А. П., возникла мысль об основании научного общества, которое ставило бы себе целью содействовать развитию русского естествознания и распространению естественноисторических знаний в широкой публике. В 1863 г. был введен новый университетский устав, который включал параграф, предоставляющий университетам право основывать при них ученые общества. Мысль об организации нового общества получила почву для реализации.

15 октября 1863 г. на квартире у Богданова собрался небольшой кружок лиц, перед которыми А. П. выступил с проектом «основания при университете нового естественноисторического общества, составленного не из одних только специалистов, но также и из любителей, которое поставило бы себе целью усиление средств к изучению естествоведения, в которых чувствовался крайний недостаток, позаботилось бы об изучении местных произведений и о распространении естественноисторических сведений в массе публики». На этом первом собрании основателей был принят устав Общества, которому было дано название Общества любителей естествознания. Такое название не было случайным. Общество любителей естествознания было далеко не первым научным обществом в России. Так, старейшее русское Общество испытателей природы насчитывало тогда уже около шести десятков лет существования (основано в 1805 г.). Но большинство научных обществ того времени представляло собой замкнутые корпорации, допускавшие в свой состав лишь людей с определенным положением в ученом мире, разрабатывавшие различные научные вопросы, но не ставившие себе просветительных задач. Едва ли не все русские естественноисторические общества публиковали тогда свои труды на иностранных языках.

Иные задачи ставило себе Общество любителей естествознания.

Естествознание А. П. понимал широко. К тому времени прочно поделился у него интерес к антропологии. Работая в Париже, он имел, повидимому, возможность лично познакомиться с антропологической деятельностью знаменитого Брока и в новом обществе видел путь к развитию антропологии в России. «В антропологии везде можно прокладывать новые пути, а потому люди более смелые и предпочитают следовать скорее по ним, чем по готовым, обделанным и менее опас-

² Там же.

ным путям уже окончательно установившихся наук»³, — эти слова Богданова должны быть в полной мере отнесены к нему самому.

14 мая 1864 г. состоялось первое публичное заседание Общества любителей естествознания. Президентом Общества был избран заслуженный профессор университета Г. Е. Щуровский, «лицо, всегда принимавшее к сердцу интересы самостоятельного развития русской науки и судьбу молодых начинающих деятелей». Но идейным руководителем Общества становится А. П. Богданов, сохранивший за собой лишь скромный пост члена Совета. Благодаря Богданову Общество любителей естествознания становится колыбелью русской академической антропологии.

Антропологическая тематика сразу же заняла одно из первых мест в работах нового Общества. Уже во втором заседании (5 сентября 1864 г.) А. П. выступил с планом краниологических исследований, а в следующем заседании был заслушан доклад проф. И. Д. Беляева «О племенах, в разное время населявших нынешние губернии Московского учебного округа». Эти антропологические интересы нашли тут же и организационное оформление, и в четвертом заседании Общества 4 ноября 1864 г. был основан в его составе Антропологический отдел, в программу работ которого было включено: а) составление коллекций черепов и скелетов и описание их, б) составление коллекций современных народных костюмов и предметов их домашнего быта, интересных в этнографическом отношении, в) изучение населения Московского учебного округа в этнографическом отношении, г) раскопки похоронных курганов и описание находимых в них остатков.

Эта первоначальная программа, включавшая одновременно антропологические, этнографические и археологические исследования, отражала взгляды того времени на антропологию как комплексную науку о физическом типе человека и его культуре.

С первых же своих шагов Антропологический отдел приступил к осуществлению большой программы, начертанной Богдановым, который становится душой отдела (от председательствования в отделе А. П. и на сей раз уклонился).

9 декабря 1864 г. А. П. выступает в заседании Общества с проектом организации антропологической выставки с курсом антропологии при ней. «Ни одна часть естествоведения, — говорит он в своем докладе, — не заслуживает больших усилий со стороны Общества для распространения основательных сведений в массе публики, как антропология. Никто, вероятно, не станет спорить о том, что публика более знакома с главнейшими особенностями племен Африки и Австралии, чем с племенами, населяющими Россию. Поэтому ничто не может так подходить к цели нашего Общества, как серьезное ознакомление массы с этими племенами... Этого достигнуть можно устройством антропологической выставки преимущественно русских племен».

Богданов особо настаивает на организации при выставке публичного курса антропологии, «который служил бы пополнением и объяснением ее».

Проект был Обществом принят; был организован комитет выставки, во главе которого стал Богданов.

Перед устроителями стояла не легкая задача. Надо было создать общественное мнение, изыскать средства, разработать программу выставки, привлечь сотрудников, организовать сбор экспонатов. Вспоминая впоследствии о подготовке выставки, А. П. говорил: «Было время, когда немногочисленный кружок, состоявший из нескольких студентов, из 2—3 окончивших курс кандидатов и из начинающего профессора,

³ Богданов А. П. Значение краниологии. Публичная лекция. М. 1868. Отд. оттиск, стр. 4.

задумал громадное по своим средствам и силам дело. Вся сила кружка состояла только в той охране, которую оказал ему Университет, вся надежда кружка была на свою молодую энергию, на свою железную волю. Не верили специалисты в серьезность задуманного нами дела, подсмеивались над нами неспециалисты»⁴.

В подготовке выставки проявился большой организаторский талант А. П. Богданова, который сумел и обеспечить содействие властей и вызвать частную инициативу. Через известного слависта профессора Н. А. Попова были получены ценнейшие коллекции по этнографии западных и южных славян⁵.

В связи с подготовкой экспонатов А. П. начинает и свои специальные антропологические исследования. Летом 1865 г. Богданов предпринимает систематические раскопки курганов в Московской губернии с целью получения костного материала. Это были первые в России археологические раскопки, доставившие хорошо датированные черепа и кости и положившие начало нашим краниологическим и остеологическим собраниям. Тщательности раскопок и документации могли бы поучиться у Богданова не только его современники, но и позднейшие поколения археологов. Отметим, кстати, что А. П. обращает внимание на важность собирания при раскопках образцов волос. Собранные им образцы позволили ему предположить, что «племя было русоволосое, скорее темнорусое, чем светлорусое». Если бы указание Богданова было должным образом оценено позднейшими исследователями, наши знания о физическом типе населения курганного периода были бы сейчас значительно более полными.

В опубликованном в том же году предварительном отчете Богданов дает первую краниологическую характеристику курганного населения, отмечая, помимо его субдолихокефалии, большой высоты, наклонности к некоторому прогнатизму (на мужских черепах), ряд особенностей строения: сильно выступающий затылок, слабое развитие теменных и лобных бугров, высокое темя и некоторую лофокефалию. К этой детальной характеристике немного смогли добавить и позднейшие исследователи.

Исследованием московских курганных черепов А. П. открыл серию своих многочисленных краниологических работ, к которым мы вернемся ниже.

Выставка, задуманная Богдановым как выставка комплексная (антропологическая и этнографическая), в ходе ее подготовки приняла характер, отличный от того, который был намечен первоначально, и превратилась в выставку этнографическую. «Отчасти по преобладанию и нарядности этнографического материала, отчасти же от непонятного в то время для большинства публики слова «антропология», могшего дать повод к разным толкам, выставка сохранила только половину своего названия «этнографическая», утратив вторую половину первоначально предложенного — «антропологическая», — пишет первый историк общества Бензенгр⁶.

Выставка, открывшаяся в апреле 1867 г., явилась крупным научным и общественным событием. В связи с выставкой в Москве состоялся славянский съезд, на который собрались крупнейшие славянские деятели того времени.

Этнографическая выставка положила начало новому этнографиче-

⁴ Из речи на банкете при открытии выставки (привожу по Д. Н. Анучину. Полвека жизни Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, см. В. В. Богданов, 50-летие ОЛЕАЭ, М., 1915).

⁵ Об этом см. у Д. Н. Анучина, Там же.

⁶ В. Н. Бензенгр. Исторический очерк деятельности Антропологического отдела Общества любителей естествознания... «Антропологическая выставка», т. II, стр. 72.

скому музею в Москве. Многие из собранных для выставки коллекций являются и сейчас украшением наших этнографических собраний. Выставка стимулировала образование Этнографического отдела Общества, который был основан в том же году при содействии А. П. Богданова.

Собранные на выставке антропологические экспонаты представляли для того времени исключительный интерес. 600 черепов разных народов, антропометрический инструментарий, антропологические фотографии легли в основу будущей антропологической выставки.

1867 год отмечен в истории русской антропологии также появлением крупнейшей работы А. П. Богданова «Материалы по антропологии курганного периода в Московской губернии» — первой русской антропологической монографии. Эта работа доставила Богданову диплом на почетное докторство от Московского университета. В 1867 г. А. П. был назначен ординарным профессором.

Осенью 1867 г., после закрытия выставки, А. П. уехал за границу, где работал в знаменитой лаборатории Лейкерта в Гиссене, а затем с Лейкертом же — на станции в Неаполе. Кипучая натура А. П. не знала усталости. Не успело Общество завершить дело по этнографической выставке, как Богданов ставит его перед новыми начинаниями. «Нужны, — писал он из заграницы Щуровскому, — экспедиции в мало известные окраины России и для изучения русских морей, нужна естественно-историческая выставка, нужны ученые съезды. Основные усилия Общества должны быть направлены на организацию экспедиций и на устройство выставки прикладного естествознания, которая могла бы положить начало общедоступному публичному музею»⁷.

По инициативе Богданова был организован ряд экспедиций, в том числе и прославленная экспедиция А. П. Федченко в Туркестан, которая доставила богатейшие зоологические, ботанические и антропологические материалы и коллекции по совершенно неизученным тогда областям. Антропологические и краниологические материалы Федченко были обработаны впоследствии Богдановым и составили первую публикацию по антропологии Средней Азии.

Устройство выставки по прикладному естествознанию, которая получила наименование политехнической, заполняет деятельность Общества в следующее за этнографической выставкой пятилетие.

Мы не можем останавливаться на организации и содержании этой выставки, которая, как и ее предшественница, явилась подлинным детищем А. П. Открытая в 1872 г., она составила основу для создания Политехнического музея, ставшего вскоре крупнейшим научным и просветительным учреждением Москвы.

Если политехническая выставка и отвлекла несколько Общество (в 1868 г. оно получило более отвечающее его деятельности наименование «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии») от прямой антропологической деятельности, то зато она доставила ему признание и необходимые средства для издания антропологических и этнографических трудов.

В январе 1873 г. А. П. выступил в заседании Общества с докладом о необходимости развития зоологических и антропологических коллекций университета. Полученные Обществом от частного жертвователя средства открывали возможность учредить в университете кафедру антропологии, и А. П. видел важнейшую задачу в том, чтобы обеспечить новую кафедру необходимыми наглядными пособиями. Наглядным пособиям, демонстрационному материалу, коллекциям для практических занятий А. П. придавал огромное значение в преподавании и за-

⁷ См. Д. Н. Анучин. Полвека жизни Общества... (цит. выше).

лог успеха учреждаемой антропологической кафедры видел в организации Антропологического музея.

«Преподаватель,— говорил он,— имея уже готовый материал для демонстраций при изложении предмета в антропологических коллекциях и данные для практических занятий в краниологическом собрании, мог бы вернее и устойчивее поставить свою кафедру с первого раза, что в предмете, столь новом для преподавания, чрезвычайно важно, особенно вследствие неустановившегося еще взгляда в массе даже образованных людей на задачи антропологии. Собрания краниологические, предметы, характеризующие доисторическое первобытное население в различных странах, условия нахождения первобытного человека в различных местностях, препараты, фотографии, рисунки и анатомические особенности рас, наконец, собрание антропологических сочинений составляют тот отдел, который будет служить ученым основанием пособий для антропологии, могущим сделать преподавание его не безынтересным даже для специалистов и возбудить в них сочувствие к нашим коллекциям»⁸.

Доклад Богданова был принят, и избранием Комитета содействия, во главе которого снова стал А. П., было положено начало организации антропологической выставки.

В 1873 г. А. П. уезжает за границу для изучения морских животных в Виллафранке и Неаполе и осмотра зоологических учреждений ряда стран. Эту поездку Богданов использует для установления связей с заграничными антропологическими организациями, отдельными учеными и заручается их содействием будущей антропологической выставке.

Немало способствовало укреплению научных связей с заграничной избрание А. П. в 1874 г. вице-президентом международного конгресса доисторической археологии и антропологии в Стокгольме.

В 1876 г., когда деятели Общества, завершив преобразование политехнической выставки в Политехнический музей, смогли посвятить себя антропологической выставке, началась широкая ее подготовка: разработка программ, экспедиционный сбор антропологических материалов, массовые раскопки курганов, изготовление экспонатов. Устанавливались связи с местами, завязывались сношения с заграничными обществами и учреждениями.

Видя конечную цель выставки главным образом в создании учебного антропологического собрания, А. П. неустанно добивался систематичности экспонатов, их строгой научности, тщательной датировки. «Требования,— писал он,— состоят в том, чтобы прежде всего каждое собрание, каждый затронутый им вопрос обставлен был настолько целю и полно, чтобы он мог удовлетворить требованию специалиста по серьезному и вполне научному изучению вопроса»⁹.

Под руководством А. П. Комитет антропологической выставки разрабатывает разнообразные программы исследований — антропологические, археологические, этнографические, психологические, детально обсуждает методические вопросы, технику исследований и т. п.

Предложенный Богдановым план выставки включал организацию трех отделов: доисторического, первобытных племен и общего антропологического. Осуществлению этого плана были посвящены организованные Обществом многочисленные экспедиции, такие, как экспедиция А. П. Кельсиева к лопарям, доставившая первое антропологическое описание этого народа, экспедиция Н. Ю. Зograфа к самоедам и многие другие.

Особое внимание при подготовке выставки было уделено краниоло-

⁸ Антропологическая выставка (1879 г.), т. I, стр. 2.

⁹ Там же, стр. 13.

гическому материалу. Собираание и обработку краниологических материалов А. П. считал особенно необходимыми на первых этапах антропологических работ в России.

«Сравнительная остеология в своем приложении к палеонтологии,— писал он,— дала поразительные результаты в преодолении трудностей. Антрополог в той же науке, в ее частном отделе сравнительной краниологии может получить, при достаточно богатом материале и при большом скоплении фактов сравнения, верный исход и для себя. Отсюда то значение и тот интерес, который возбуждает сравнительное изучение костяка и краниологии. Не одно только удобство получения черепов для исследования и трудность изучения других сторон организации человеческих племен с антропологической точки зрения обращают в последнее время так много деятелей на краниологическое изучение; столько же влияют на это, если не более, единственная возможность и безусловная необходимость подойти к доисторическому человеку только с точки зрения черепа и костяка, так как он более ничего не оставил науке из своей организации»¹⁰.

А. П. постоянно указывал на необходимость тесного сотрудничества археологов и антропологов, на первостепенную важность археологической датировки краниологических материалов. «Если археологи хотят воспользоваться краниологическими результатами взаправду, а не из приличия или моды,— писал он,— то должны строго отделять в одну группу черепа, кои в известном кладбище по бытовым условиям принадлежат к одному племени и одному времени, и давать антропологу факты хронологической последовательности черепов»¹¹.

К собиранию и обработке краниологических материалов А. П. сумел привлечь целый ряд работников различных специальностей, и краниологический отдел на антропологической выставке содержал огромную по тому времени коллекцию в три тысячи черепов, добытых преимущественно при раскопках курганов. Многие из сотрудников Богданова зарекомендовали себя серьезными антропологическими работами. Здесь надо назвать имена Кельсиева, Тихомирова, Зографа, Икова и др.

Замечательной чертой А. П. было его умение увлечь своих сотрудников, сплотить вокруг себя дружный коллектив, направить деятельность этого коллектива по определенному пути. «Он обладал талантом угадывать способности, угадывать своих учеников и окружающих его любителей естествознания»,— пишет о Богданове один из его учеников академик Н. М. Кулагин¹².

Наряду с русскими материалами, которые должны были быть представлены наиболее полно, намечалась на выставке и экспозиция по зарубежной антропологии. Организация иностранного раздела выставки была поручена Богдановым Д. Н. Анучину, командированному Обществом в 1876 г. за границу для подготовки к занятию учреждаемой кафедры антропологии. Авторитет Богданова за границей и неутомимая энергия Анучина обеспечили такую полноту этого раздела, которая поставила собрания выставки в ряд со многими крупнейшими антропологическими хранилищами Европы.

Подготовка антропологической выставки совпала для Богданова с участием Общества на международной выставке 1878 г. в Париже. На этой выставке был организован специальный антропологический павильон, в котором русские материалы, доставленные Обществом, заняли

¹⁰ Антропология и университет, 1876, стр. 31.

¹¹ О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. Антропологическая выставка (1879 г.), т. III, стр. 8.

¹² Ученые записки Московского государственного университета, Юбилейная серия, вып. LIV, 1940.

видное место. Организация этого русского отдела, осуществленная Богдановым и Анучиным, их личное участие в работах Конгресса по доисторической археологии и антропологии, созванного в связи с Парижской выставкой, не только завоевали русской антропологии широкое признание за границей, но и привели к установлению тесных личных связей русских антропологов с лидерами французской антропологической школы. «Знаменитый Брока, — писал Богданов, — особенно внимательно следил за успехами русской антропологии, всячески содействовал устройству антропологической выставки и передал ей немало ценных материалов»¹³.

К началу 1879 г. подготовительная работа по антропологической выставке была закончена. Собранные коллекции были размещены в помещении Московского экзерцисгауза (манежа), богато декорированы и разбиты на отделы: геолого-палеонтологический, краниологический, содержащий свыше 3000 черепов, фотографический, отдел бюстов, масок и манекенов, медико-антропологический, этнографический и доисторический.

Достаточно просмотреть только описание этих отделов, чтобы оценить тот огромный труд, который потребовался для осуществления этого необычного по тому времени начинания, ту целеустремленность и настойчивость, которые в течение 14 лет вели А. П. Богданова по намеченному им пути — создания первой в мире самостоятельной антропологической выставки.

Открытие выставки 3 апреля 1879 г. явилось подлинным триумфом молодой русской антропологии. Вся мировая антропологическая печать отзывалась о выставке, как о крупнейшем событии в науке¹⁴. «Краткого указания на состав выставки, — писал известный археолог Габриэль де-Мортилье, — уже достаточно, чтобы выяснить важное значение Московской антропологической выставки. Дело было вполне хорошо задумано и отлично выполнено, поэтому и успех его можно считать понятным и выдающимся. Таково мнение всех, кто мог видеть и изучать замечательную выставку»¹⁵.

На сессию Общества, созванную в Москве в связи с выставкой в июле — августе 1879 г., вместо очередного международного конгресса по доисторической археологии и антропологии, прибыл ряд иностранных ученых во главе с Брока, Катрфажем, Топинаром, Мортилье. На этом съезде русские антропологи смогли продемонстрировать результаты своих исследований, проведенных под руководством А. П. Доложенные на съезде работы Богданова нашли широкий отклик за границей и оказали немалое влияние на развитие зарубежной антропологии не только внесением в нее огромного нового фактического материала, но и новой постановкой ряда проблем исторической антропологии¹⁶.

Антропологическая выставка явилась важнейшим этапом в развитии русской антропологии. «Изданные Богдановым четыре тома Трудов выставки, — пишет проф. В. В. Бунак, — стали надолго главнейшим и притом оригинальным, коллективно составленным руководством по методической и теоретической антропологии».

Антропологическая выставка положила прочное начало Антропологическому музею университета, обеспечила молодую антропологическую

¹³ Антропологическая выставка (1879 г.), т. IV, вып. 2, стр. 36.

¹⁴ Там же (1879 г.), стр. 42—48.

¹⁵ *Revue scientifique*, 1879 г., т. XVIII. Привожу по Богданову. Антропологическая выставка, т. IV, вып. 2, стр. 67.

¹⁶ См. рецензии в «*Revue d'anthropologie*», 1879—1883, в «*Jahrbichte über die Fortschritte der Anatomie und Physiologie*» von Hoffmann und Schwalbe, 1879—1882, «*Archiv für Anthropologie*», 1879—1882.

кафедру необходимыми пособиями, открыла пути к дальнейшему антропологическому изучению нашей страны, пионером которого явился А. П. Богданов.

Годы подготовки к выставке были не только периодом особо энергичной работы антропологического отдела, но и годами наиболее интенсивной антропологической исследовательской деятельности самого Богданова. В это время А. П. формулирует свои теоретические взгляды в области антропологии, публикует целую серию конкретных исследований, разрабатывает методические вопросы.

Свои воззрения на антропологию А. П. изложил в речи, произнесенной им на торжественном собрании университета в 1876 г.¹⁷

Антропологию А. П. понимал широко и всегда подчеркивал ее философское значение, ее роль в разработке наиболее общих вопросов естествознания. «Зоология, взятая отдельно,— писал он,— каким бы метаморфозам и каким бы переворотам она ни подвергалась, представляла интерес только специальный, частный. Зоология, как наука, служащая в системе своих воззрений тою лабораториею, в которой вырабатывается система объяснения явлений, служащих основой для уяснения хода развития и человеческих племен, хотя бы и с чисто материальной стороны, исключительно с точки зрения строения их, получает общее философское значение...».

«С антропологию естествознание не является каким-то особенным островом, отделенным бездною от других наук чисто человеческих, если можно так выразиться, т. е. касающихся самых высоких, самых увлекательных для ума сторон его природы, его истории и его существования»¹⁸.

Как дисциплина, стоящая на рубеже естественноисторических и гуманитарных наук, антропология «не ограничивается в своем влиянии одною только естественноисторическою областью, но прямо или косвенно стоит в связи с многими важными вопросами наук гуманитарных, социальных и философских»¹⁹.

Но, устанавливая связь с гуманитарными науками, антропология остается по своему содержанию наукой естественноисторической. Только ограничиваясь строго естественноисторической стороною человека и проводя последовательно и неуклонно один естественноисторический метод, антропология может, подчеркивает Богданов, явиться и действительным дополнением цикла естествоведения и принести существенную пользу развитию самой антропологии в ее наиболее насущных нуждах²⁰.

Только такое определение делает антропологию цельной, законченной наукой, а не энциклопедией, не собранием разнородных по методу, средствам и целям отдельных наук. «Антропология, расширенная за пределы специального круга естествознания, стремящаяся обнять в свою сферу все касающееся человека, только перепутывает в препода-

¹⁷ «Антропология и университет». Речь, произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12 ноября 1876 г. ординарным профессором Анатолием Богдановым. Изд. Московского университета, Москва, 1876 г. Эта замечательная речь, напечатанная в свое время в очень небольшом количестве экземпляров в университетской типографии, является теперь большою библиографическою редкостью и заслуживает, несомненно, переиздания как интереснейший документ для истории университетской науки в России.

¹⁸ «Антропология и университет», стр. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 42.

вании науки отдельных групп, является уже не антропологией, а скорее микрокосмом»²¹.

«В органическом мире,— говорил Богданов,— существует три основных типа: растение, животное и человек. Соответственно этому в ряду наук естествознания должны быть три основных науки: ботаника, зоология и антропология. Науки эти могут подразделяться, сообразуясь с частными исходными точками изучения каждого типа, на весьма важные, но, во всяком случае, вторичные подразделения и образовать ряд наук второй категории, вполне понятных только как органические части основной науки, обнимающей собой учение об основном типе»²².

Необходимость четкого определения объема антропологии А. П. особенно подчеркивает, рассматривая ее место в кругу университетских дисциплин. «С факультетской точки зрения,— указывает он,— особую пользу принесет не всеобщая антропология, а антропология в смысле естественноисторической монографии рода Ното, ограниченной теми же пределами, теми же точками зрения и теми же методами, которые употребляются при монографическом описании всякого рода важного морфологического типа в естествознании»²³.

Но по отношению к человеку такое определение требует уточнения. и «признать антропологию в смысле монографического изучения рода Ното нужно с некоторыми ограничениями».

Изучение всего того, что обще человеческому роду в целом, что типично для человека вообще, составляет предмет самостоятельных дисциплин — анатомии, физиологии и эмбриологии человека. Задачу же антропологии составляет «исследование форм изменений этого типа в отличительных признаках различных племен человеческих, тех особенностей, кои они нормально и постепенно представляют»²⁴.

«Для современного антрополога-натуралиста,— пишет Богданов в другом месте,— изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в своей форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного дерева, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин»²⁵.

Одним из основных разделов антропологии является изучение доисторического человека. Время появления человека, те отличительные черты, которые характеризуют древнейших представителей рода человеческого, те естественные условия, которые могли влиять на формирование их типа,— таковы основные вопросы этого раздела, подлежащие изучению в теснейшем контакте с археологией, геологией и палеонтологией.

В этой связи особое значение в антропологии приобретает «сравнительная краниология» — изучение костных остатков ископаемого человека.

Вторым разделом антропологии являются «сравнительная морфология, биология и систематика ныне живущих племен и их географическое распределение». Богданов неоднократно указывает на недостаточность одного только морфологического изучения человеческих рас-

²¹ «Антропология и университет», стр. 24.

²² Там же, стр. 22.

²³ Там же, стр. 75.

²⁴ Там же, стр. 29.

²⁵ «Антропологическая физиогномика». Антропологическая выставка (1879 г.), т. II, стр. 4.

«Попытки классифицировать племена²⁶ по внешним признакам, только по цвету кожи и другим подобным признакам оказались недостаточными»²⁷.

Конечной целью антропологии, как и всякой естественноисторической науки, является генетическая классификация форм, установление генетической связи между человеческими расами. Но такая генетическая классификация может быть дана только на основе всестороннего их изучения. «Подобно тому как сравнительноанатомический и эмбриологический периоды должны были предшествовать в зоологии периоду генетическому, подготавливая материал, необходимый и неизбежный для уяснения общего исторического развития форм на земле, составляющего конечную цель современной зоологии, так и в антропологии для возможности перехода ее в период генетического изучения племен исключительно на основании естественноисторических данных и без помощи лингвистических костылей, необходимо прежде широкое и глубокое изучение племени с точки зрения сравнительноанатомической»²⁸, и далее... «особый интерес представляет сравнительная физиология человеческих племен, видоизменения в отправлениях не вследствие одного только временного влияния внешних условий на организм человека, но как результат племенных (resp. расовых.— М. Л.) особенностей». Антропология, обладающая своими собственными задачами и методами исследования и посему завоевавшая себе право на существование в качестве самостоятельной дисциплины, вместе с тем вовлекает в орбиту своих исследований другие научные дисциплины и влияет, в свою очередь, на развитие последних. Такова, в частности, обоюдная связь антропологии с медициной и анатомией человека. «Антропология,— пишет Богданов в своем курсе,— дополняет односторонность гения медицины; она способствует своим цельным философским научным взглядом много тому, чтобы медик из ученого механика, починивающего заплаты и поломки в организме, все более и более поднимался до уровня ученого исследователя человеческого рода в его нормальных и патологических изменениях»²⁹.

Под влиянием антропологии анатомия человека должна превратиться из чисто описательной прикладной отрасли медицинского образования в научную дисциплину. Антропология вносит «в анатомический горизонт ширину и научность своего сравнительноанатомического метода»...; «вопросы анатомии человека получают новое значение и ведут к важным выводам о ней»³⁰.

Собранные вместе эти отдельные мысли и высказывания Богданова предстают перед нами как стройная и законченная система взглядов, и его знакомый облик блестящего организатора и насадителя антропологии на русской почве дополняется не менее яркими чертами ученого-мыслителя.

Воспитанный в традициях эволюционизма, А. П. на протяжении своей дальнейшей деятельности выступает как сторонник дарвиновского учения. Он воспитывает своих слушателей в духе дарвинизма, и из богдановской школы выходит целый ряд крупнейших русских биологов-дарвинистов.

Как последовательный эволюционист выступает А. П. и в области антропологии. «Теория постоянства и неизменности видов,— пишет он,

²⁶ Богданов употребляет этот термин в понятии — расы.

²⁷ Соотношения в историческом развитии зоологических и медицинских учений. Вступительные лекции в курс зоологии для медиков, читанные в Московском университете в сентябре 1876 года профессором А. П. Богдановым. Москва 1876.

²⁸ Там же, стр. 24—25.

²⁹ Там же, стр. 22.

³⁰ Там же, стр. 25 и 26.

пошатнулась в зоологии, и она не может возродиться в теории постоянства рас и племен человеческих. Такое постоянство в природе может быть только случайно и искусственно...»³¹.

Нельзя, говорит Богданов, «от племенных (расовых.— М. Л.) признаков человека требовать той разграниченности и постоянства, которого они иметь не могут. Такого постоянства в отличительных признаках не создаст и не откроет никакое улучшение краниологического метода, никакой новый снаряд для установки и измерений...». «Породы или расы делаются устойчивыми при постоянстве одинаковых условий, что вызывается искусственно человеком или случайно физическими обособлениями, изолированием какой-нибудь породы. Племена и породы могут представлять только большую или меньшую устойчивость, большую или меньшую наклонность к образованию разновидностей».

В этих формулировках замечательно указание на роль процессов изоляции и значение культуры в расообразовании у человека. Эти мысли, не нашедшие отзыва у ближайших преемников Богданова, могут быть должным образом оценены лишь современным расоведением, в котором изучение изоляции и условий, называемых Богдановым искусственно созданными человеком, как существеннейших факторов расообразования, составляет одну из наиболее интересных и интенсивно разрабатываемых глав.

Какую бы область антропологической деятельности Богданова мы ни рассматривали, он является нам не только как глашатай прогрессивных идей своего времени, но и как новатор, во многих вопросах стоявший впереди своих современников. Это относится и к его взглядам на вопросы расовой систематики. Мы указывали уже, что конечной целью систематики он считал генетическую классификацию человеческих рас. А. П. постоянно подчеркивает различие между расовой и лингвистической классификациями. «Естественноисторическая классификация,— пишет он,— будет иметь необходимым результатом то, что племена во многих отношениях сгруппируются иначе, чем с лингвистической или с этнографической точек зрения, так как родство по языку и родство по крови не одно и то же» (подчеркнуто нами.— М. Л.)³². К этому тезису Богданов возвращается постоянно и в своих общих работах и в конкретных исследованиях, к которым мы еще вернемся ниже.

Мировоззрение А. П. Богданова как ученого формировалось в пятидесятых — шестидесятых годах прошлого столетия, и его последовательный эволюционизм не мог не приводить его в ряде случаев к оценке расовых различий как различий эволютивных, к ряду ошибочных с нашей, современной точки зрения формулировок о значении расовых особенностей. Однако гуманизм истинно прогрессивного ученого уберег его от тех расистских выводов, от которых не были свободны многие его крупнейшие современники. Так, касаясь вопроса о связи антропологии с медициной, Богданов писал: «Медицина не может смотреть на род человеческий так, как смотрели бывшие негровладельцы, то-есть ограничивать всю совокупность его белой расой, ей приписывать все высшие человеческие права, а цветным диким племенам отвести задний двор, если не окончательно поместить их вместе с животными. Не говоря уже о негуманности того взгляда, который из медицины делает науку белого человека, основанную исключительно на изучении его орга-

³¹ «Антропология и университет», стр. 37.

³² В другом месте Богданов писал: «Антропологи, по бедности своих собственных данных, даже было отказались от своей собственной классификации и подчинились другой, взятой из совершенно иной области знания, именно лингвистической, пока ряд фактов не показал воочию, что понятия о племени и филиации племени с точки зрения свойств и сходства языка далеко не то же, что вопрос о сродстве племен по крови и организации» («Соотношения в историческом развитии зоологических и медицинских учений», стр. 24).

низации и для исключительной пользы его же, этот взгляд стоит в прямой противоположности с самым научным усовершенствованием медицины»³³.

Последовательно идя по пути к намеченной цели — оформлению антропологии как самостоятельной академической дисциплины, А. П. особое внимание уделял вопросам методов и методике антропологических исследований. Начав в 1865 г. с перевода известной инструкции Брока, А. П. в целом ряде своих работ дает дальнейшую разработку этих вопросов, специально останавливаясь на методах выделения антропологических типов в составе племен.

Поскольку мы рассматриваем в данном случае человека с чисто физической стороны его организации, эти вопросы, указывает Богданов, должны изучаться методами и приемами, какими пользуется естествознание. Так как все племена представляют значительные вариации между своими представителями, то Богданов ставит вопрос, что же «принимать здесь за характерный признак в этих видоизменениях: частость ли его появления или наиболее типичное выражение его?»³⁴ «Метод средних чисел, — пишет Богданов, — более объективен, более стоит вне произвола, но он, как и всякий вывод, основанный на изучении средних, дает только частость появления признака, большую или меньшую вероятность его наблюдения в данном населении или лучше в данной численности его особей, но грешит тем, что не выдвигает главного характеристичного от придаточного... Избрание наиболее типичного удобнее в том отношении, что оно дает в одном представителе соединение признаков, особенно характерных, но оно субъективно, оно зависит от взгляда, часто от предвзятого мнения, не говоря уже об умышленном избрании типа, что также, к сожалению, представляла антропология»³⁵.

Решение этого вопроса лежит в правильном сочетании обоих методов, причем Богданов особо подчеркивает значение непосредственного наблюдения, умения исследователя выделить в населении характерных представителей различных типов — того, что получило в нашей литературе наименование «метода определения индивидуальных расовых типов»³⁶.

Касаясь антропо- и краниоскопической методики, А. П. подчеркивает значение унификации приемов, роль и особые требования к антропологической фотографии, необходимость разработки стандартов и т. п., намечая, таким образом, широкую программу разработки методики, осуществление которой нельзя считать законченным и сейчас.

В своих работах А. П. дает образцы всестороннего использования данных различных областей знания для решения антропологических вопросов. Иконографический материал, описание внешности изучаемого населения в исторических документах, сказания иностранцев, фольклор — все эти источники привлекаются Богдановым, когда он рассматривает вопрос об антропологических признаках русского типа. Работа А. П. «Антропологическая физиогномика» и по сей день остается непревзойденным в антропологической литературе примером анализа того, «как в песнях и народных сказаниях характеризуется физическая красота, физические признаки народонаселения той местности или того племени, которое сложило песни»³⁷.

А. П. в широких масштабах ставит, собирав эти материалы,

³³ «Соотношения в историческом развитии...», стр. 23—24.

³⁴ «Антропологическая физиогномика», стр. 7.

³⁵ Там же.

³⁶ А. И. Ярхо. О некоторых вопросах расового анализа. *Антропологический журнал*, 1934 г., № 3, стр. 61—62.

³⁷ «Антропологическая физиогномика», стр. 21.

привлекает к этому делу сотрудников, готовит для антропологической выставки, при содействии Е. В. Барсова и В. Е. Румянцева, «исторический ряд изображений русских людей по памятникам, рукописям и древним путешествиям».

Эта сторона деятельности А. П. еще ждет в русской антропологии своих продолжателей.

Интересно отметить, что А. П. выступает как пропагандист стационарных методов антропологических исследований. «Составлять отдельные экспедиции и дорого и неудовлетворительно, последнее по тому, что большая часть морфологических и в особенности биологических исследований требует и значительной численности наблюдаемых особей, и значительного периода времени для наблюдений. Нужно для успеха дела не одно только то, чтобы естествоиспытатель пробежал страну, мимоходом сделал наблюдения, а чтобы он пожил значительное время, несколько лет, в каждом месте, населенном интересным племенем»³⁸.

А. П., как никто другой, понимал, что судьба молодой антропологической науки в очень большой степени зависит от положения ее в системе университетского образования.

В семидесятых годах прошлого столетия антропология не только в России, но и в большинстве других стран еще не получила официального признания и оставалась вне стен университетов и академий. Этому причиной была не только молодость данной отрасли знания, но и специальные особенности ее развития. Связанные с антропологией вопросы эволюционного учения применительно к человеку, вопросы о человеческих расах выходили за круг специальных научных интересов и приобретали в широкой общественной литературе ту политическую остроту, которая не могла не вызвать скептического отношения к антропологии в официальных академических сферах. «На антропологию,— писал А. П. Богданов,— с точки зрения преподавания стали смотреть не как на науку естественнo-историческую, не как на отрасль знания, спокойно и вполне научно вырабатывающую известную систему знаний о физической стороне человека, но как на собрание полемических доводов, далеко выходящих за пределы естествознания, даже за пределы науки, если под последнюю понимать строго последовательное изучение фактов, а не более или менее талантливые гадательные предположения. Что дело было так и что на антропологию даже между специалистами составилась взгляд как на собрание весьма интересных мнений, а не как на серьезную науку, доказывается тем, что даже в университетах с вполне свободным преподаванием антропология как наука не получала почти никакого значения в преподавании, а если и получала, то только случайное, и ограничивалась более этнографической, чем естественнo-исторической, стороной»³⁹.

Недостаточно четкое определение предмета и границ антропологии, отсутствие строго установившихся методов исследования, сравнительная бедность собранного ею фактического материала — черты всякой молодой науки, все это укрепляло позицию тех, кто отказывался признать за антропологией право университетской дисциплины. Чтобы завоевать антропологии место в Московском университете семидесятых годов, требовался не только авторитет ученого, но и страстность пропагандиста и недюжинный талант организатора. Все эти черты счастливо сочетал в себе А. П. Богданов.

Когда Богданов еще в 1864 г. выступал с проектом организации публичного курса антропологии при задуманной им антропологической выставке, он предвосхищал идею Брока, которого считают инициатором

³⁸ «Соотношения в историческом развитии...», стр. 22—23.

³⁹ «Антропология и университет», стр. 8.

преподавания антропологии. Проекту Богданова не суждено было тогда осуществиться, но идея основания кафедры антропологии в Московском университете продолжала руководить Богдановым и при организации им Антропологического отдела Общества любителей естествознания и при устройстве антропологической выставки. Лишь когда Обществом был получен в 1872 г. капитал в 25 000 рублей для организации при Университете кафедры антропологии, идея Богданова получила почву для реализации.

Кандидатом для занятия учреждаемой кафедры А. П. предложил своего ученика, только начинавшего тогда свою научную работу, Д. Н. Анучина, который и был послан Обществом за границу для подготовки к профессорской деятельности. Время показало, что А. П. не ошибся в своем выборе: в Д. Н. Анучине он нашел достойного преемника.

Новой кафедре пришлось испытать сложную судьбу, и проект Богданова был осуществлен лишь позднее, но именно А. П. должен быть назван основателем первой кафедры антропологии в России.

Разработанная Богдановым программа преподавания антропологии составляла часть его общих взглядов на задачи университетского образования. А. П. выступал против узкой специализации, возражая тем, кто склонен был видеть в «преподавании исключительно специальные цели отдельных естественноисторических наук и не заботиться об их философской законченности и цельности».

«Не пора ли, — говорил он, — поставить сознательной целью факультетского преподавания не одну выработку специальностей по разным наукам или некоторым тесным группам их, но и общее естественноисторическое учение, начинающееся неорганической природой, переходящее через органическую к изучению человека и кончающееся психологией, логикой и историей мышления? Не при такой ли постановке вопроса и при такой программе естественноисторический отдел будет действительно и вполне отвечать задаче университетского идеала: привести различными путями, различными факультетскими средствами к общему философскому знанию?»

Зло высмеивает А. П. тех «клопанных или мушиных специалистов»⁴⁰, которые, замыкаясь в крохотной области специальных исследований, отстраняют от себя более широкие вопросы и теряют общую научную перспективу. Полной противоположностью такому направлению была научная деятельность А. П.

Областью своих исследований А. П. избрал преимущественно вопросы этногенеза русского народа по данным краниологии.

Если вспомнить, как широко понимал А. П. содержание антропологии, какие общие задачи ставил перед ней, не покажется странным, что, зоолог по специальности, А. П. избирает основной областью своих антропологических исследований наиболее далеко отстоящую от зоологии область исторической антропологии.

Его работы относятся главным образом к изучению древнего населения курганного периода. За крупной антропологической работой Богданова, посвященной курганному населению Московской губернии, следует целый ряд краниологических исследований по другим районам.

«Что за племя обитало впервые на почве Московской губернии? Как далеко простиралось его местобитание? В каком отношении оно находилось к нынешнему народонаселению и с каким из ныне существующих

⁴⁰ А. П. Богданов, Зоологическое учение и самообучение. Работы, произведенные в лаборатории Зоологического музея Московского университета, выпуск 3, Москва, 1880 г. (Известия ОЛЕАЭ, т. XXXII, вып. 3, стр. 7).

племен оно имело наибольшее сходство?»⁴¹ — вот те вопросы, которые должен был разрешить собранный краниологический материал.

Разделяя на ранних этапах своей антропологической деятельности неизблемое в тогдашней антропологии положение, согласно которому важнейшим диагностическим признаком для расовой датировки краниологических материалов является черепной указатель, А. П. разрешение поставленных им исторических вопросов искал в распределении длинно-головых и широкоголовых типов по отдельным группам исследуемых черепов.

Анализируя курганные черепа, он приходит к выводу, что коренным местным курганным народонаселением надо считать длинноголовое, которое широко было распространено в Средней России, тогда как «короткоголовое племя, селившееся между длинноголовым отдельными высылками, островками или же в небольшом количестве разбросанное и по длинноголовым селениям», ...«к нему примешивалось в меньшей гораздо численности»⁴². Заключение о том, что длинноголовый тип является на территории средней полосы более древним, было подтверждено Богдановым в дальнейшем в целом ряде его исследований (см. ниже).

В работе «О черепах каменного века»⁴³ Богданов устанавливает распространение длинноголового типа уже в каменном веке, указывая вместе с тем на преемственность курганного и современного населения с населением каменного века. Выводы этой работы он формулирует так:

а) Все до сих пор найденные черепа каменного века в Западной, Средней и Северной России — длинноголовые, и притом преобладают настоящие долихоцефалы.

б) Это тем замечательнее, что и в курганах этих же местностей найдены тоже длинноголовые, и притом тем в большей чистоте, чем древнее курганы, судя по обстановке их.

в) Мезатицефалы в каменную эпоху появляются в той восточной полосе России, в которой и в курганах, и в этнографическом составе населения доказано значительное присутствие короткоголовых племен.

д) Расселение длинноголовых и короткоголовых в России произошло в очень древние времена, и исторический ход расселения этих типов выражался в том, что мало-по-малу с востока и юга все более и более влиял короткоголовый тип на первоначальное коренное (с каменного века) длинноголовое племя, или, лучше, на длинноголовую группу племен, повидимому, принадлежащих к одной расе, так как тип длинноголовый представляет в разных, даже отдаленных местностях своего расселения значительное единство краниологических признаков⁴⁴.

Вопрос об этнической принадлежности этих типов, вопрос о том, являлось ли длинноголовое курганное население финским или славянским, — эти вопросы не только во времена Богданова, но и десятилетиями позднее являлись центральными в антропологической литературе, посвященной славяно-финским взаимоотношениям и генезису славян на территории Восточной Европы.

Теория исконной брахикефальности древних славян развивалась преимущественно теми антропологами, которые считали западных славян истинными носителями славянского типа и в антропологическом типе русских видели результат смешения этого типа с «инородческим длинноголовым элементом»⁴⁵.

⁴¹ Значение краниологии. Публичная лекция. М., 1868.

⁴² Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Известия ОЛЕАЭ, 1867 г.

⁴³ Антропологическая выставка (1879 г.) т. IV, стр. 102.

⁴⁴ Там же, стр. 106—107.

⁴⁵ Эти взгляды, выдвинутые впервые польским журналистом Коперницким в се-

Эти, казалось бы, специальные антропологические вопросы в работах западных антропологов получали нередко освещение, диктуемое не столь научными, сколь политическими мотивами. А. П. непримиримо относился к подобным теориям, где ставится вопрос «о политических целях, которые всегда вредили в ученых исследованиях и которые уже немало повредили и вредят развитию антропологии»⁴⁶.

Научная объективность, принципиальная постановка вопросов, глубокое уважение к фактам, какими бы незначительными они первоначально ни казались, строгая критика по отношению к прежним своим же выводам, — все эти черты, характеризующие научное творчество А. П., особенно ярко проявляются в даваемом им освещении указанных вопросов.

В его работах мы находим различное разрешение вопроса об изначальном антропологическом типе славян. Так, в статье о черепах новгородцев (1879 г.) Богданов склоняется к выводу, что «первоначальный чистый краниологический тип славян был длинноголовым» и что «... великоруссы или восточная ветвь славян ближе к своему первоначальному типу, чем западные славяне, что подтверждается также и большею брахицефалией последних, а также преобладанием черноволосых между ними»⁴⁷.

Иное решение вопроса мы находим в других работах Богданова. Так, в своей работе о курганных жителей Северянской Земли он считает «тип славян за короткоголовый, как это до настоящего времени признается большинством»⁴⁸. К этому же склоняется он и в своей работе по краниологии древних болгар⁴⁹ и в статьях о тверитянах⁵⁰, о мерянах⁵¹ и др.

Эти колебания Богданова были обусловлены не только недостаточностью материала и необходимостью учитывать все новые и новые поступающие факты, но и более глубокими методологическими причинами.

«Финны или славяне?» Такая альтернативная постановка вопроса исходит из положения о первоначальной, исконной расовой однородности каждой этнической группы, об абсолютной стабильности расовых признаков, изменение которых на протяжении времени может быть объяснено лишь проникновением в данную расовую среду иных элементов извне путем смешения.

Эти предпосылки незримо присутствуют во всех антропологических работах, авторы которых ищут ответа на вопрос о едином исконном расовом типе того или другого народа.

Еще в шестидесятых годах А. П. Богданов выступает с очень смелым для того времени положением об отсутствии тождества между единицами расовой и этнической классификации, о различии понятий раса и народ, раса и племя. Эту мысль он развивает не только в своих специальных работах, но и в публичных выступлениях.

Краниологический материал, говорит Богданов в своей лекции «О задачах краниологии» (1868 г.), позволяет прийти к заключению,

шестидесятых годах прошлого столетия, в дальнейшем развиваются в работах польских антропологов Талько-Гринцевича и Заборовского, украинского антрополога Волкова и некоторых других. См. работу Г. Ф. Дебца: Так называемый «восточный великорусс». Антропологический журнал, 1933 г., № 1—2.

⁴⁶ Доисторические тверитяне по раскопкам курганов. Антропологическая выставка (1879 г.), т. III, стр. 386.

⁴⁷ Древние новгородцы в их черепах. Антропологическая выставка (1879 г.), т. III, стр. 14.

⁴⁸ Там же, стр. 361.

⁴⁹ Там же, стр. 377.

⁵⁰ Там же, стр. 392.

⁵¹ Там же, стр. 416.

что «родство племен по языку, быту и обычаям не есть еще родство по происхождению». В ряде своих работ он высказывает предположение, что один и тот же расовый тип может изначально входить в состав различных расовых групп и что формирование каждой отдельной группы может происходить на расово разнородной основе. «Термином финские племена, — пишет он в работе о мерянах, — нужно при таких (антропологических. — М. Л.) исследованиях пользоваться с крайнею осторожностью. Лингвисты и этнографы подвели под понятие финских народов племена, очень различные по происхождению, и длинноголовых, и короткоголовых, которым трудно приписать один естественно-исторический корень».

В этой же работе он отмечает «весьма замечательный факт (на который следует обратить внимание археологов для проверки) сходства типа мерянских черепов со скифскими, северянскими и чудскими черепами».

А. П. принадлежит и термин «скифско-мерянский тип черепа», показывающий, как смело Богданов раздвигал рамки этнических делений в своих антропологических сопоставлениях.

Исследуя черепа скифо-сарматской эпохи, он не останавливается перед возможностью признать, что «скифские курганы, сколько можно судить по черепам, не представляют население своеобразное и резко отличное от других смежных курганных населений, напротив того, курганное население скифской эпохи настолько близко по общеплеменным чертам к курганному населению других прилегающих областей Средней России, что с большою вероятностью должно быть отнесено к одному типу с ними» и что «краниологические данные дают еще больше основания утверждать, что термин скифский может иметь только географическое или археологическое значение, но не племенное, не антропологическое»⁵².

Эта широкая и смелая постановка вопросов, характеризующая не только общие, но и специальные антропологические работы Богданова, смогла уберечь его в вопросе об этнической принадлежности курганных типов от догматизма других исследователей.

Как бы ни решал А. П. вопрос о долихо- и брахикефальном типах, он во всех случаях остается на чисто научных позициях. Богданову принадлежат следующие замечательные слова: «Нам нет надобности делать из выводов науки ненаучные средства, вроде заграничных брошюр о происхождении на родонаселения Средней России. Не в русском характере, не в духе истинной русской науки ломать факты и ложно освещать их, да и нет в них надобности. Не брахикефалия или доликефалия дает право народу на уважение, не курганные предки, каково бы ни было их происхождение, могут унижить или возвысить русский народ и ход его истории»⁵³ (подчеркнуто нами. — М. Л.).

Конечно, многие выводы конкретных работ Богданова в современной антропологии пересмотрены и представляют в значительной степени исторический интерес, но это не умаляет их значения не только как первых публикаций по краниологии древнего населения нашей страны, но и как исследований, выдающихся по своему охвату, глубине анализа, оригинальности и смелости мысли.

Если в краниологических работах, относящихся к шестидесятым —

⁵² О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. Антропологическая выставка (1879 г.), т. III.

⁵³ Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Известия ОЛЕАЭ, 1867 г.

семидесятым годам, Богданов еще остается в сфере господствовавших тогда представлений, то в его более поздних исследованиях мы находим уже принципиально иную постановку вопроса.

Мы уже указывали, что в шестидесятых и семидесятых годах XIX в. в западноевропейской антропологии господствовало прочное убеждение, что головной указатель является важнейшим таксономическим признаком, и притом признаком настолько стабильным, что может служить основным в расовой систематике. Потребовалось очень много специальных исследований, чтобы развеять этот «мираж головного указателя» и показать, что головной указатель не только не имеет такого таксономического значения, но и подвержен сравнительно быстрым изменениям во времени. В установлении фактов эпохальных изменений черепных признаков приоритет в антропологической литературе принадлежит А. П. Богданову.

На основании краниологических исследований Богданов установил различие в головном указателе между современным (короткоголовым) и курганным (длинноголовым) населением России. Если в приведенных выше работах брахикефалия еще рассматривается Богдановым как результат позднейшей примеси, то в дальнейшем он приходит к принципиально другому объяснению. В своей сводной работе, доложенной на Международном антропологическом конгрессе в Москве в 1892 г., он писал:

«Преобладание брахикефалии, которое замечается в России начиная с исторических времен и которое проявляется все сильнее с течением времени, не есть, по-моему, исключительный результат смешения с брахикефальными народами. Это имело место в первые периоды истории, когда господствовали органические факторы рас, но с успехами цивилизации начинается другая серия влияний, которая сыграла большую роль в истории народов и сможет быть еще большей в будущем, потому что развитие цивилизации неизбежно приводит с течением времени к увеличению брахикефалии... Лоб увеличивается в высоту и в ширину, затылочная область головы приобретает более современное строение, поперечный диаметр увеличивается, длина головы уменьшается, или, вернее, пропорция этого диаметра уменьшается по отношению к ширине черепа»⁵⁴.

Эта работа Богданова составила эпоху в антропологии и послужила отправным пунктом для огромного ряда исследований, посвященных эпохальным изменениям черепных признаков.

Установив эпохальные изменения головного указателя, Богданов, как мы видели, основную причину брахикефализации видел в наследственном влиянии культуры на строение черепа. Если этот взгляд, отражающий господствовавшие тогда экзогенные теории формообразования, и не может быть принят и современная антропология ищет причину этих эпохальных изменений в иных (генетических) факторах⁵⁵, то само установление направления, в котором череп изменяется во времени, составляет крупнейшую заслугу Богданова в антропологии.

Палеоантропологические работы Богданова, не нашедшие продолжения у его ближайших преемников, получили широкое развитие уже в советской антропологии. И когда советский антрополог Г. Ф. Дебец свою монографию «Палеоантропология СССР»⁵⁶ посвящает памяти

⁵⁴ Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie, II ses. à Moscou, 1892, t. I.

⁵⁵ V. Bunak. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Zeitschr. f. Morphol. und Anthropol., Bd. XXX, H. 3, 1932.

⁵⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Докторская диссертация, 1940 (в печати).

А. П. Богданова, он воздаст должное этому замечательному, еще недостаточно оцененному у нас ученому и человеку.

Период антропологической выставки был периодом наиболее интенсивной антропологической деятельности Богданова. Передав дело организации антропологического музея и кафедры своему преемнику Д. Н. Анучину, А. П. в восьмидесятых годах направляет свою деятельность в другие области науки. «Анатолий Петрович,— пишет о Богданове близко знавший его академик И. А. Каблуков,— любил приниматься за дела трудные, казавшиеся для других невозможными: так было с Обществом любителей естествознания, так было с Комитетом акклиматизации, Зоологическим садом и многими другими предприятиями; но когда он видел, что организованное им дело наладилось, он начинал принимать уже менее деятельное участие; так, например, было с Политехническим музеем. Анатолий Петрович принимал деятельное участие в его организации, много работал в начале жизни музея, но затем, когда за будущее музея можно было не опасаться, Анатолий Петрович направил свои силы в иную сторону».

Дело антропологии А. П. мог считать переданным в верные руки и мог сосредоточить свою деятельность в музее и на кафедре зоологии, заслуженным профессором которой он был утвержден в 1883 г.

К восьмидесятым годам относятся, помимо многочисленных зоологических работ Богданова, и некоторые антропологические исследования: антропометрические и краниологические публикации по Средней Азии на основе материалов, доставленных экспедицией Федченко.

Во время своих заграничных командировок А. П. поддерживает связь с иностранными антропологами, присутствует в 1889 г. на Международном конгрессе по доисторической археологии и антропологии в Париже, где избирается вице-президентом Конгресса, продолжает участвовать в работах русских археологических съездов и ревностно следит за судьбой своего детища — университетской антропологии.

На Археологическом съезде в Москве в 1890 г. А. П. был назначен депутатом Парижского антропологического общества и в том же году избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук по биологическому отделению.

Едва ли не все антропологические общества и академии Европы почтили А. П. избранием его в свои члены. И это при исключительной скромности Богданова, его постоянных отказах от официальных постов (несмотря на настойчивые просьбы, А. П. лишь на короткий период, в 1886—1889 гг., согласился быть президентом основанного им Общества любителей естествознания).

А. П. принадлежал к тому типу людей, «политика коих состоит в том, чтобы служить науке изучением своей страны, у которых самолюбие выражается только в том, чтобы заслужить уважение людей науки если не общим значением своих трудов, то, по крайней мере, искренним желанием посылить трудиться для антропологии, и устойчивой и верной преданностью целям этой науки, составляющей венец и ореол естествознания»⁵⁷.

Последним крупным антропологическим предприятием А. П. явилась организация в 1892 г. Международного конгресса доисторической археологии и антропологии в Москве, которую он принял на себя по просьбе иностранных ученых, так же, как и организацию одновременного Зоологического конгресса. А. П. состоял председателем организационного комитета этих конгрессов и сам выступал на них с докладами.

⁵⁷ А. П. Богданов. Речь на открытии съезда, 1879 г. Антропологическая выставка, т. III, стр. 262.

Его уже цитированный нами доклад на Антропологическом конгрессе явился сводкой его долголетних исследований и блестящим резюме его теоретических выводов, которые мы уже рассмотрели выше.

Организованные в связи с конгрессами выставки: зоологическая, археологическая и географическая завершили цикл, начатый Богдановым этнографической выставкой 1867 г.

В последние годы своей жизни (А. П. Богданов скончался 16 марта 1896 г.) А. П. отошел от дел, и «Труды антропологического конгресса» вышли уже под редакцией Д. Н. Анучина.

Если высшим счастьем для ученого является сознание, что дело его найдет продолжателей, то этим счастьем судьба одарила Богданова, который, сходя в могилу, мог видеть, что у штурвала построенного им корабля стоит избранный им преемник — Д. Н. Анучин.

ЛИТЕРАТУРА

Биографические сведения о Богданове и данные о его научной деятельности имеются в следующих публикациях:

1. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850—1887 гг.), собранные Анатолием Богдановым: т. I, 1888 г. Известия ОЛЕАЭ, т. LV. т. III, 1891 г. Известия ОЛЕАЭ, т. LXX.
2. Антропологическая выставка, т. I—IV. Особенно: Исторический очерк деятельности антропологического отдела Общества любителей естествознания от основания отдела (2 декабря 1864 г.) до открытия Комитета антропологической выставки (2 марта 1877 г.). Статья В. Н. Бензенгра. Антропологическая выставка, т. II, стр. 70—83.
3. А. П. Богданов. В память первого двадцатилетия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Известия ОЛЕАЭ, приложение к LIV тому, 1888 г.
4. Пятидесятилетие Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863—1913. Составил В. В. Богданов. Москва, 1915.
5. В. В. Бунак. Антропологическая выставка ОЛЕ и ее наследие (к 50-летию со дня выставки). Русский Антропологический журнал, т. 19, вып. 1—2, 1930 г.
6. Ученые записки Московского государственного университета. Юбилейная серия. Вып. LIV. Биология, 1940.

Список основных антропологических работ А. П. Богданова⁵⁸.

Инструкция собирания предметов для русской этнографической выставки и русского музея. Известия ОЛЕАЭ⁵⁹, 1865.

Общие инструкции для антропологических исследований и наблюдений, составленные П. Брока, секретарем Парижского антропологического общества. Изв. ОЛЕАЭ, 1865.

Курганное племя Московской губернии. Университетские Моск. известия, 1866.

Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Изв. ОЛЕАЭ, 1867.

Значение краниологии. Публичная лекция. М., 1868, Отд. оттиск.

Антропология в университет. 1876. Речи и отчет Московского университета.

Материалы для изучения цыган в антропологическом отношении. АВ⁶⁰, т. I.

Вопросы по изучению лопарей, затронутые в антропологических обществах и специальных журналах последних лет. АВ, т. I.

Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии, АВ, т. II.

Черепа самоедов, собранные Н. Ю. Зографом. АВ, т. II.

Черепы якутов, корейцев, из забайкальских курганов, остяцкие, бурятские, монголо-бурятские, монгольские, манз и тунгусские. АВ, т. II.

Черепы из старых московских кладбищ. АВ, т. II.

⁵⁸ Перечень научных работ Богданова до 1887 г. приведен в «Материалах по истории научной и прикладной деятельности в России», т. I. Однако этот список дефектен: названия целого ряда работ и их издания приведены неточно.

⁵⁹ Изв. ОЛЕАЭ — Известия Имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете.

⁶⁰ АВ — Антропологическая выставка.

- Антропологическая физиогномика. АВ, т. II.
Курганные черепа области древних северян (Суджанское длинноголовое население по реке Пеле). АВ, т. II.
Охновские курганные черепа. АВ, т. II.
Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии. АВ, т. III.
Древние киевляне по их черепам и могилам. АВ, т. III.
Древние новгородцы в их черепах. АВ, т. III.
Курганные приуральцы по раскопкам Зографа и Нефедова. АВ, т. III.
О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. АВ, т. III.
О курганных обитателях Мордовской земли и Касимова. АВ, т. III.
Меряне в антропологическом отношении. АВ, т. III.
О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. АВ, т. III.
Доисторические тверитяне по раскопкам курганов. АВ, т. III.
Жители древних Болгар по краниологическим признакам сравнительно с современными болгарскими черепами и черепами из чувашских кладбищ. АВ, т. III.
О черепах из крымских могил, Херсонеса и Аккермана и из курганов земли Войска Донского. АВ, т. IV.
О черепах из кладбищ Северной России. АВ, т. IV.
О краниологии смоленских курганных черепов. АВ, т. IV.
О черепах каменного века, найденных до сего в России. АВ, т. IV.
Материалы для истории антропологической выставки. АВ, т. IV.
Антропологические таблицы для краниологических и кефалометрических вычислений. Составил П. Брока. Перевод А. П. Богданова. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXVIII, в. I, 1879 г.
О черепах каменного века. В труде графа Уварова «Археология России».
Череп каменного века, найденные проф. А. А. Иностранцевым. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXVII.
Краниологические заметки относительно туркестанского народонаселения. Изв. ОЛЕАЭ, т. XLIX, вып. 3, 1886; вып. 4, 1887.
Череп китайцев и дунган. Изв. ОЛЕАЭ, т. LIX, 1887.
Антропологические заметки относительно туркестанских инородцев. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXIV, вып. 5, 1888.
Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? Congrès international d'archéologie et d'anthropologie. II session, à Moscou, t. I.
Кроме того, большое количество заметок, обзоров, записок и докладов на антропологические темы. Большая часть из них помещена в Материалах антропологической выставки.